

Николай Гуськов

Моряк

Николай Гуськов

Моряк

«Издательские решения»

Гуськов Н.

Моряк / Н. Гуськов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932243-2

Молодой весьма популярный писатель по имени Уильям не смог смириться с тем, что его раскритиковал другой писатель, которого Уильям любил. После этого он подался на борт рыболовного судна, под капитанством его дяди Стива.

ISBN 978-5-44-932243-2

© Гуськов Н.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Моряк

Николай Гуськов

© Николай Гуськов, 2018

ISBN 978-5-4493-2243-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я был молодым писателем, которого из-за ранимости понесло в самое сердце океана. Критики презренно отмечали: <<Уильям О'Брайен – типичный хороший писатель.>>, оставалось воспринимать их шутливо, иначе – ты пропал. Никогда прежде меня столь сильно не унижали, как в момент, когда один довольно значимый для меня писатель, открыто заявил, что мои книги ужасны. Не просто ужасны, а опасны. Опасны, как нож. Или пистолет. Говорил он, что мое творчество – самое ужасное, что есть в этом мире. И вот тогда, когда журналисты окружали меня, когда бесчисленные вспышки фотоаппаратов ослепляли тебя и в голову ничего толкового не приходило, когда моя подруга Мэри утешала меня, когда я смотрел на свое понурое отражение в зеркале, тогда я понял, что мне надоела суша.

Это всего лишь мнение, говорила она.

Не принимай это так близко к сердцу, говорила она.

Но ведь важное, думал я.

Журналисты спрашивали, что я думаю на счет такого броского заявления. А ответить было нечем.

Тебе нужно лишь одно – отдых.

Комната, в которой обои пунцового цвета. Мебель, что скрипит ночью. Два окна, открывающие вид на легкий туман, сквозь который виден порт. Все забыто. Я стою на палубе, взираю на бескрайний простор океана. Все осталось там: воспоминания, нужды и заботы.

Я бросил писательство. Даже не прикасаюсь к пишущей машинке, за меня барабанит по кнопкам кок, который с радостью решил помочь мне писать письма для Мэри. Кок часто говорит мне:

- Брось ты эту сентиментальщину, Господи, ты хочешь, чтобы она тебя бросила? Все, твою мать, знают, что девушки любят мужество. Писатель, не писатель, а надо быть мужественным. Лаконичным, твою мать, и строгим.

За это я и любил этого бородатого мужика. Любил, когда он улыбается, и виднеются чуть желтоватые зубы. Любил, когда он недоумевает, почему пересоленная рыба нам не по вкусу. Любил, когда он курит папиросы и нередко решается протянуть одну мне.

Капитан судна – мой дядя Стив, а если вы спросите его, в честь кого судно названо, он быстро ответит: <<Моей жены.>>.

Огромная белая надпись «Ева» красовалась на корме.

Штурман – лучший друг дяди. Его борода извивается до самого воротника, закрывая всю шею. А его карие глаза, вечно стеклянные, словно он услышал горестную новость, в задумчивости бегают по полям кроссворда.

Механик самолёта. Одиннадцать букв.

Подающий в бейсболе. Шесть букв.

Резервуар для транспортировки жидкостей. Восемь букв.

Для них я был двадцатилетний евнухид. Пацан, который не видел жизни.

Но они славные ребята. Отыгрывать роль так называемого юнги весьма забавно.

Так же были Клод, – его тонкие усы могли выдать его за большого ценителя, – Кевин – Пелена испарин на его большом лбу ослепительно блестела, – и Жак, – С этим парнем шутки плохи.

Все они были обычными рыбаками. И теперь я сам стал обычным рыбаком.

Иначе говоря:

Пошутите над Жаком, и он избавит вас от тягостного бремени лишних зубов.

Пошутите над Кевином, и этот толстосум будет ходить понурясь весь день.

Пошутите над Клодом, и ему будет плевать.

О, посмотрите на эту тушу. От избыточного веса он неуклюже семенит. Этот человек – энциклопедия на двух толстых ногах и с двумя лихорадочно держащими карту ручищами. В самый разгар стремительно развивающегося разговора о шлюхах, его рот раскрылся и изрыгнул: <<А вы знали, что мусульмане мочатся сидя?>>. Все головы повернулись к нему. Затихше. И снова разговор о шлюхах.

Если вы сидите у палаты со своим больным ребенком в местной больнице, то рядом с вами обязательно будет подобный человек.

Здравствуйте, миссис.

Ваш ребёнок болен потому что он слишком игрив.

Как телёнок, случайно прыгнувший в пасть волка.

Таких людей не стоит обделять своим, хотя бы холодным, но вниманием.

Но Джерри, – как и все остальные, – человек обаятельный.

А на палубе, когда ветер свистит в ушах, а по телу пробегает слабая дрожь, твоя кожа бледна как никогда, вдыхая горький табачный дым, что жжет твоё горло, все, что происходило ранее, вдруг забыто. Все сконцентрировалось в одну материю, которая исчезла прочь. А осталось лишь: Смех Стива, когда он надулся ромом, запах жаренной рыбы и матрас в каюте, пропитый потом.

Это и есть полное умиротворенное забытье.

Ты не долго находишься на судне, именуемое Ева, но уже стал рыбаком.

На носу скопились спутанные сети, в некоторых из них смердят кишки рыб.

Мойва.

Форель.

Семга.

Тунец.

Трудно разобрать из этого изобилия кишок и голов, что чему принадлежит.

А там, на кухне, в темном углу скопились безжизненные потертые шинели немецких солдат. Все продырявленные пулями.

Я ничего не смыслил в этих удочках и снастях. И, сказать честно, ничего смыслить и не хочу. Возможно, продержусь тут еще неделю, и меня заставят работать.

Краткий экскурс по концепции промышленной рыбалки.

Спросите Стива, что это за шинели в углу.

– Эта яхта была мобилизована при второй мировой.

Зачали Стива в Англии, родился он в Америке, а вырос в Ирландии. Сам он считает себя полностью ирландцем. И душой, и любовью выпить.

Каждый день, продуктивный или нет, сводится к столу. Длинный стол из красного дерева, это ведь небывалая роскошь. Разумеется, он уже избит временем. Трещины и царапины по всей его поверхности. Мы все уселись на нем, а Стив, достав три бутылки рома, промолвил монументальные слова:

– Ну что, братья, попробуем напиться до той степени, пока нас всех не начнет рвать.

И он улыбнулся, а морщин стало в два раза больше.

Кок не стал ухитряться, и на этот раз снова жаренная рыба. А запах заполнил все пространство, проникая в наши ноздри и вызывая обильное слюноотделение. Возьми вилку, и проткни эту золотистую корочку.

Можно питаться рыбой больше месяца, прежде чем она начнет вызывать у тебя тошноту. Преодолей тошноту – и каждая рыба, любого способа приготовления, станет чем-то вроде слитка золота, которое вручил тебе незнакомец.

Жак выглядел изнеможенным, и держался несколько отрешенно. Я спросил его, что не так.

– Я в порядке. – Отрезал он.

Его лицо наполнилось изнурением, и Стив, посмотрев на него, посоветовал:

– Иди в каюту, черт побери, да на тебе живого места нет.

– Да. – Вторил Джерри, – ты похож на древнее ископаемое.

– А ты что, археологом сделался? – Процедил Жак, согнувшись от боли живота.

Они промолчали, а я и вовсе был незаметным. Скрип ножек стула, и Жак вышел из-за стола. Несколько больших шагов и он оказался на палубе.

– Я что, плохо готовлю что-ли? – Недоумевал кок.

Стив открыл первую бутылку рома, и стал уплетать ее прямо из горла. Другие бутылки открыл кок, который сразу всем налил в пинты.

– Вы знаете, что самая большая часть рома, производится на Карибах? – Вставил Джерри. И разумеющееся тишина. Лишь глотки и рыгания.

Взглянув в маленькое окошко, можно лицезреть сумрак, несколько одиноких облаков и стаю чаек.

Бутылки все опустошались, а я только допивал один стакан. Но координация уже нарушилась. Я всегда боялся выпить много, кажется, что лишний глоток вызовет интоксикацию.

– Рыба отменная. – Заметил Стив. – Ты молодец, Билл.

А лицо кока озарилось гордостью.

Снова взгляни в окошко, а там абсолютная тьма. Я сказал Стиву:

– Поздно уже, я пойду посмотрю, что с Жаком, и в каюту, спать.

– Давай, Уильям. – Ответил он.

– И не забудь спросить его, не от моей ли рыбы. – Добавил кок.

Я кивнул. Я семенил к носу судна, где в темноте стоял Жак. Он уперся локтями на перила, и, когда я встал рядом с ним, я заметил его пронизательный взгляд вдаль. Я спросил его:

– Жак, что произошло?

– Я уже осатанел от моря. И от рыбы. И от них всех. – Ответил он.

Я ухмыльнулся. Мне нечего у него спрашивать. И пусть француз сам разбирается в своих проблемах.

Он вдруг с укором покосился на меня. Такой взгляд был у моего отца.

Вот ты и поневоле вспоминаешь своего отца. Словно obsессия ударила прямо в сознание, вызывая горестные воспоминания. Он умер от алкоголя. А вот Стиву больше знакома боль утраты. Ведь за свою жизнь он потерял слишком много людей, в том числе, и моего отца. Вы сидите в онкологической больнице, и ждете жену с химиотерапии. Большая злокачественная опухоль прямо в голове. Навязчивые движения и забывчивость. А тело стало таким худосочным и, словно студень, казалось прозрачным. Вот Стив и увековечил свою единственную пассию назвав судно в ее честь. А раньше на этом судне сновали десятки немецких фронтовиков.

А Жак так и прожигает меня своим взглядом. Что же ему нужно, черт возьми.

– Ты, значит, ведь писатель, так? – Сказал он.

– Верно. – Дал сиюминутный ответ.

– А чего тебя понесло сюда, на судно дяди? – Вопросил он.

– Не знаю. – Ответил я, и он замолк, и взгляд его устремился вновь вдаль. И меня он уже не замечал, словно перед ним был непримечательный камень.

Я оставил его наедине со своими грезами.

И вправду, все они, включая моего дядю, были пьяны до полной апатии к окружению. Они распластались по столу и лишь слюни струились из уголков рта. Кок бы, вроде как, в себе, и я решил сказать ему, что все это не из-за рыбы. Но он и так это знал, ведь тарелка Жака не была пустой.

Холод одолел меня, и единственное, что я жаждал более всего, это уютная кровать, на которую я прыгну и, укутавшись одеялом, открою глаза лишь утром.

2

По иллюминатору скатывались многочисленные капли. Здесь кровати две, и обе двухъярусные. Я лежал на самом верху. Отсюда открывается отличный вид на то, как полусонный Клод читает мою книгу. Его зрачки так и бегут по строчкам, а в выражении его лица можно прочесть глубокое, но эфемерное уважение ко мне.

Эфемерное, потому что, несмотря на субординацию в нужные моменты, на судне мы равны.

Позже я буду так же уважаем, как в момент, когда я вступил на судно и заставил расплыться в улыбке дядю Стива.

Некое коллективистское гнездышко, а не рыболовный корабль.

Опусти взгляд и там лежит, непринужденно скрестив ноги, Жак. Он курит трубку, словно бывалый моряк, а не паникер, что вчера устроил сцену.

Но, все же, так и есть. Этот лягушатник – бывалый моряк. Никто не защищен от событий, которые могут привезти к полному краху ваших идей и интересов. Наверное, этим и наслаждались они.

Никто не спешил выходить наружу.

Клод, видимо периферическим зрением, заметил, что я глазею на него.

– О, Уильям, доброе утро. – Сказал он.

Но взгляд он не отвел от книги. Он перелистнул одну, и разродился разглагольствованием:

– Я почти всю твою книгу прочитал. Мне вот интересно, Уильям, на кой черт тебя сюда то занесло? На больного ты не похож. Ну, дело твое ведь. И, у меня есть действительно важный к тебе вопрос: Ты ведь напишешь о нас книгу? – Уголки его рта поднялись ввысь.

Разумеется, говорю я.

А запах жареной рыбы так и стоял. И это куда лучше, чем запах сырой рыбы.

На койке внизу все храпел Джерри. А Жак, если и смотрел на нас, то как на неодушевленные предметы. Как вы смотрите на мебель в вашем доме. А ведь раньше Жак был, хоть весьма импульсивным, но славным малым с длинным вытянутым носом, тонкими черствыми губами, черными волосами и с щетиной. Но сейчас, это обособленный зверь, готовый наброситься на всех с револьвером, что лежит в комод в каюте, где спит Стив. Между прочим, он заряжен всего на пять патронов.

Стив рассказывал, что единственный выстрел он произвел, когда к кораблю подплыла тигровая акула. Окрасилась ли вода в красный цвет, неизвестно.

Дверь отворилась и в дверном проеме стоял гордый кок, одетый вовсе не в форменный грязный костюм, а в чистый, белый respectable костюм. Он стоял скрестив свои руки, и я спросил его:

– Что, кто-то решил нас снять?

И я расплылся в улыбке. Но, после того, что он сказал, улыбка была стерта и сменилась удивлением.

– Репортеры. – Ответил он своим тенором.

– Репортеры? – Синхронно спросили мы все, кроме Джерри.

– Репортеры. – Отрезал кок.

И что же теперь, думаю я.

Он подошел ко мне и, схватив за рубашку, конвоировал меня из каюты. Мы идем на палубу, видимо.

Я спрашиваю его, что не так.

– Надо подготовить все.

Что именно подготовить?

– И палубу, и внешний вид, и тебя.

Меня?

– Тебя.

Нет, я не буду в кадре.

– Это еще почему?

Черт возьми, они же узнают меня.

– И что в этом плохого, Уильям?

Хорошо, я подумаю. И когда же эти репортеры появятся?

Он промолчал, и навьючил меня сетью и заставил ее отнести вниз.

И кого же они собрались интервьюировать. Словно в мире нет более интересного, чем захудалое рыболовное судно.

Авария на перекрестке в самом центре Нью-Йорка, которая привела к гибели десяткам честных налогоплательщиков.

Панда в зоопарке, которая обнимает своего детеныша.

Кучка активистов, которые скандируют либеральные лозунги. Что-то вроде: Прекратить эксперименты над животными.

Но нет. Им захотелось взять интервью у Стива. А я уже представляю их жадные на информацию лица, их камеру, на магнитной пленке. Чертовы корреспонденты.

Нет, думаю я, пока несу эти сети вниз, я запрусь в каюте и не выйду из нее. К тому же, формально я не член команды.

Стив, надеюсь, поймет.

Относительно бережно я использовал свой титул писателя, которого раскритиковали и отправили в тираж в апогее его признания. А в письмах я не использовал высокопарность. В общем, я пытался быть простым, до безобразной пучины, которая охватывала и поглощала меня всего. Если ты хоть раз стал популярным, всю жизнь ты живешь либо в страхе быть убитым обезумевшим поклонником, либо ныряющим в море ненависти. Так и живу сейчас, лишь сотни миль от суши меня успокаивают. И вот заявляются репортеры, разрушая мой покой.

Ты оставляешь автографы на книгах.

Ты улыбаешься читателям в лицо.

А потом, некогда значимый для тебя человек, называет тебя ничтожеством.

Через мое плечо перекинута тяжеловесная сеть, а я думаю о цинге. Как она вообще работает. Самое главное мне известно: Почувствуешь медный вкус во рту, дотронься кончиком своего пальца до десны, взгляни на окровавленный палец и начинай строить теории.

Но легче всего определить цингу можно по внезапному выпадению зубов.

И благо морской болезни у меня нет. Иначе, всем бы пришлось терпеть это и мыть палубу каждый раз.

Шагаю по металлической лестнице вниз и швыряю сеть в темноту. А потом с облегчением возвращаюсь обратно.

О, Господи.

Взгляните, это же упитанный парень, крепко держащий камеру на своем плече. А рядом с ним милостивая девушка, которая что-то пишет в блокнот. Парень был одет согласно всем законам небрежности – Коричневые брюки «Карго», фланелевая рубашка и поверх темная жилетка. А она, та, что рядом с ним, в мешковатые брюки и синюю куртку. Здесь не так уж и холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.